
Ирина Петухова

ЭКСПЕРТНЫЕ ДИСКУРСЫ О ВОЗРАСТЕ И СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ПОЖИЛЫХ

Статья посвящена анализу экспертных представлений о возрасте и социальном статусе пожилых. На основе интервью с представителями экспертного сообщества (N=41), работающими с пожилыми людьми в различных сферах — от социальных услуг до программ продления профессиональной занятости и здоровьесбережения — проанализированы ключевые дискурсы о старшем возрасте и образе пожилого человека. Проблема представлений, мнений и отношений специалистов, работающих со старшим поколением, является важным аспектом социальной политики. Эксперты, несмотря на фиксируемые изменения возрастных границ, продолжают воспринимать жизненный цикл как сегментированную систему, в которой образование ассоциируется с молодостью, работа — со зрелостью, а старость — с отдыхом. Однако они отмечают происходящий возрастной «сдвиг» и необходимость переосмысления трансформаций, затрагивающих старшее поколение. В описании старшего возраста эксперты часто опираются на устоявшиеся представления о старости как периоде болезни и угасания. При определении возрастных границ они используют три подхода: нормативный, основанный на официальных возрастных порогах; субъективный, связанный с индивидуальным восприятием собственного возраста; а также подход, учитывающий состояние здоровья и самочувствие в пожилом возрасте. К основным преимуществам старшего возраста эксперты относят богатый жизненный опыт, осмысленный взгляд на жизнь и свободу действий, обусловленную ослаблением институционального давления. Несмотря на высокую степень внутренней дифференциации пожилых — в том числе по состоянию здоровья, которое может оказывать определяющее влияние на уровень активности, — эксперты, как правило, конструируют

Ирина Сергеевна Петухова — к.социол.н., ст.н.с., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург; доцент Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия. Электронная почта: irini-ptz@yandex.ru

бинарную модель, противопоставляя две условные категории: «активных» и «неактивных» пожилых. При этом сначала задается сама оппозиция, а затем формулируются критерии принадлежности. «Активные» пожилые — это те, кто обладает хорошим здоровьем, ведет самостоятельную жизнь, участвует в различных сферах общественной активности. «Неактивные» пожилые, напротив, воспринимаются как люди, испытывающие проблемы со здоровьем, нуждающиеся в посторонней помощи и социальных услугах, что ограничивает их вовлеченность в общественную жизнь. Значительное влияние на формирование общественных представлений о пожилых людях оказывают СМИ, часто транслирующие образ пожилого человека как бедного, обездоленного и больного. В практической плоскости требуется пересмотр сложившегося негативного образа старшего поколения, признание разнородности социально-возрастной группы пожилых и разработка ориентиров для социальной политики в условиях стареющего общества.

Ключевые слова: пожилой возраст, социальная политика и старение, продленная взрослость, экспертные представления о старших, активное и неактивное долголетие

Цитирование: Петухова И.С. (2025) Экспертные дискурсы о возрасте и социальном статусе пожилых. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (1): 25–42.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42

Тема старения привлекает все большее внимание исследователей, что обусловлено демографическими, экономическими и социальными изменениями. По различным прогнозам, доля пожилых граждан в общей численности населения будет неуклонно расти (Щербакова 2024; UN 2024). Несмотря на динамичность современного общества (Бауман 2008), пожилые люди зачастую отождествляются с пенсионерами — получателями пенсий и, соответственно, экономически неактивной частью населения, — что приводит к их символическому и практическому смещению на периферию социальной жизни (Григорьева 2022). В связи с этим важно, с одной стороны, разрабатывать сценарии социального развития, ориентированные на включение различных возрастных групп, в том числе пожилых, в общественные отношения (Walsh et al. 2021). С другой стороны, необходимо анализировать осмысление границ старения и их символическое значение, особенно среди представителей власти и специалистов, реализующих политику и практики в отношении старших поколений.

В настоящем исследовании понятия «пожилые» и «люди старшего поколения» (60+) используются как синонимичные. Вместе с тем термин «пенсионер» отражает экономический статус — получателя пенсии — и не всегда совпадает с фактическим возрастом человека. Эксперты, выступающие в качестве информантов, одновременно выступают как носители

профессионального знания о пожилом возрасте, и как пользователи данных, включая результаты социологических исследований, применяемых в их практической деятельности.

Возрастные группы традиционно используются для классификации социальных проблем и потребностей, поскольку их границы легко определить в административных целях (Van Tassel, Stearns 1986; Mayer, Schoepflin 1989). Однако социально-возрастное структурирование общества, включая определения пенсионного возраста как механизма исключения пожилых из активной социальной жизни, представляется устаревшим и неперспективным (Григорьева и др. 2023; Парфенова, Петухова 2024). Исследователи отмечают, что возраст имеет не только филологическое и биологическое, но и социальное измерение (Шмерлина 2015), выступая социальным конструктом (Григорьева, Богданова 2020), который определяет положение различных групп в обществе, время наступления значимых событий (Лаз 2019), а также уровень самочувствия и удовлетворенности жизнью.

Старение переживается как индивидуально, так и в рамках возрастных когорт — групп сверстников, имеющих схожий жизненный опыт и общий исторический контекст (Eckert 2017). Существенное влияние на восприятие возраста оказывают непосредственные социальные взаимодействия. Согласно исследованию ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Когда начинается старость», в России средний возраст наступления старости составляет 70,7 лет, при этом наблюдается тенденция к его увеличению. Ключевыми факторами возрастной самоидентификации являются субъективное восприятие здоровья, пол и возраст (Антонов и др. 2023). Другие авторы отмечают, что социально-демографические характеристики лишь частично определяют психологическое восприятие возраста. Наибольшее влияние оказывают уровень образования (чем он выше, тем «моложе» себя ощущает человек) и социальная активность (Шмерлина 2015).

Большинство исследований рассматривают возраст через призму социально-демографических характеристик. Однако практически отсутствуют работы, анализирующие восприятие возраста, включая пожилой возраст, с точки зрения профессионалов, непосредственно работающих с пожилыми людьми — оказывающих социальные услуги, организующих досуг, обеспечивающих медицинскую и профессиональную поддержку. Представления экспертов о старшем возрасте формируют не только их профессиональные стратегии, но и непосредственно влияют на реализацию социальной политики в отношении пожилых на уровне непосредственного взаимодействия.

В своем исследовании мы опирались на концепцию жизненного пути, основные положения которой изложены в отечественных и зарубежных работах (Elder 1974; Mayer 2004; Elder et al. 2015; Dannefer 2020), в том числе через призму влияния пандемии COVID-19 на возрастную идентификацию и жизненный цикл (Settersten et al. 2020; Григорьева, Богданова 2020). Формирование жизненных траекторий индивидов определяется

взаимодействием личных решений и внешних условий — доступных социальных возможностей и ограничений (Тыканова, Хохлова 2016). Современные экономические, социальные и демографические изменения существенно трансформируют временные рамки жизни, размывают границы ее этапов и усложняют социальные ожидания относительно того, какие события и роли соответствуют определенным возрастным периодам (Marini 1984; Henretta 2003). В результате традиционная модель жизненного пути, включающая три основных возрастных этапа — образование в молодости, работа и семейные обязанности в зрелости, а затем отдых в старости (Riley, Riley 2000), — не всегда соответствует реальности (Kohli 2007).

Трансформации жизненных траекторий варьируются в зависимости от исторического контекста и социальной политики разных стран. Исследования показывают, что индивиды могут как опережать структурные изменения, стремясь к освоению более «взрослых» или, наоборот, «молодых» ролей, так и отставать от них (Riley, Riley 2000). Особенно это актуально в ситуациях, когда принадлежность к определенной возрастной группе предоставляет социальные или экономические преимущества, например, право на пенсионные выплаты или доступ к льготам.

Таким образом, в рамках исследования мы стремимся понять, каким образом в экспертном сообществе, включающем профессионалов, работающих с пожилыми людьми (60+) в различных сферах, формируются и дискурсивно оформляются представления о возрасте и социальном статусе пожилых. Фокус на представлениях обусловлен их ролью в воспроизводстве доминирующих дискурсов, влиянии на профессиональные практики и формировании социальных норм (Йоргенсен, Филлипс 2008). Кроме того, представления экспертов оказывают непосредственное воздействие на восприятие пожилыми людьми самих себя и своего возраста, формируя их самоидентификацию в социальном контексте.

Материалы и методы

Исследование проведено в рамках качественной методологии. В качестве эмпирического материала использованы данные 41 интервью с экспертами (N=41), собранные в период с мая 2022 по март 2024 г. В выборку вошли эксперты из организаций разных типов: государственных учреждений, занимающихся социальным обслуживанием, обучением и трудоустройством пожилых; органов исполнительной власти; медицинских, образовательных и исследовательских организаций; некоммерческого сектора и бизнеса. Основная часть интервью проведена в Санкт-Петербурге и Петрозаводске, также в исследовании приняли участие эксперты из Москвы, Орла, Липецка и Касимова (Рязанская обл.) (Приложение 1). Подавляющее большинство экспертов — женщины, преимущественно среднего возраста (40–50 лет), что соответствует гендерному и возрастному профилю

данной профессиональной сферы. Возраст интервьюируемых варьировался от 28 до 75 лет, стаж работы в данной сфере составлял от пяти до 35 лет.

Выбор экспертов обусловлен доступностью исследовательского поля. Основными критериями отбора стали: наличие не менее пяти лет опыта непосредственной работы с пожилыми и/или занятость в организации, где целевой группой являются лица 60+. Интервью носили полуструктурированный фокусированный характер. Гайд включал четыре тематических блока: 1) специфика работы в организации, представленной экспертом; 2) практики, направленные на поддержание здоровья, профессиональную занятость и социальное участие пожилых; 3) восприятие возраста и 4) феномена отложенного старения.

Анализ представлений экспертов о пожилом возрасте и социальном статусе старших поколений осуществлен методом тематического анализа (Braun, Clarke 2006). Для обработки интервью применялась программа *QDA Miner* (в версии *Light*). На первом этапе сформирован предварительный перечень кодов, который впоследствии уточнялся и дорабатывался на основе пробного кодирования: выделено 62 кода. На втором этапе осуществлялось кодирование всего массива интервью. На третьем этапе, исходя из смысловой близости, коды были сгруппированы в тематические блоки: восприятие возраста и его границ; образ пожилого человека (категории «активные» и «неактивные»); практики работы с пожилыми; преимущества и недостатки старшего возраста. Поскольку целью исследования являлось выявление максимально широкого спектра экспертных мнений, сравнение между типами организаций не проводилось. Все имена информантов анонимизированы, а их организационная принадлежность обозначена в обобщенном виде.

Результаты исследования

Восприятие возраста и его границ

На нормативном и индивидуальном уровнях наблюдается сдвиг возрастных границ, обусловленный удлинением периодов образования, занятости, увеличением продолжительности жизни, а также нелинейностью жизненного цикла. В современных условиях значимые жизненные события могут наступать в любом или почти любом возрасте. Эксперты отмечают необходимость адаптации социальной политики и практик к этим изменениям:

У нас меняется парадигма общества. У нас законодательно продлили возраст молодости до 35 лет. Естественно, что продлили и взрослость, то есть старшая взрослость в терминах тоже продлена. Это естественный процесс продления молодости. Но как с этим жить, и что с этим делать — не очень понятно и на законодательном уровне, и на уровне социальном. Как можно это применить и интегрировать вот этих возрастных людей — или немножко возрастных или сильно возрастных (Интервью 9, руководитель подразделения районного центра организации социального обслуживания, Санкт-Петербург).

В то же время сохраняются представления о сегментированности жизненного пути, где возрастные этапы связаны с определенными видами активности и общественными ожиданиями. Согласно этим представлениям, пожилой возраст традиционно ассоциируется с периодом отдыха и сниженной социальной активности: *«Если ты молодой, ты работаешь, учишься, еще что-то делаешь. А если ты пожилой, то, вероятно, ты не работаешь, не учишься, а типа сидишь только дома или сидишь на даче»* (Интервью 1, руководитель НКО, Санкт-Петербург).

Относительно различия пожилого возраста и старости — соответствующих, согласно классификации Питера Ласлетта, третьему и четвертому возрасту (Laslett 1991) — среди экспертов прослеживаются как минимум два противоположных подхода. Представители негосударственного сектора четко разграничивают статусы «пенсионер» и «пожилой человек», а также дифференцируют понятия пожилого возраста и старости. При этом подчеркивается, что пенсионный статус в большей степени определяется правом на получение пенсии, нежели фактическим возрастом. В то же время для специалистов государственных социальных служб, эти категории, напротив, чаще всего не разделяются, поскольку возраст выхода на пенсию традиционно ассоциируется с моментом получения права на социальное обслуживание и становится ориентиром в определении пожилого возраста.

В экспертных оценках пожилого возраста, его характеристики, достоинства и недостатки часто основаны на устоявшихся представлениях о старости как периоде угасания, времени, требующем заботы со стороны государства и семьи. Анализируя то, как эксперты определяют границы старения и момент, с которого человека можно считать пожилым, мы выделили три основных подхода: нормативный, субъективный (основанный на самооценке возраста) и ориентированный на представления о здоровье и самочувствии в старшем возрасте. Нормативный подход особенно характерен для представителей органов исполнительной власти и специалистов, организующих социальное обслуживание.

Примечательно, что эксперты из Карелии отмечали более раннее наступление пожилого возраста, объясняя это исторически сложившейся практикой выхода на пенсию на пять лет раньше общероссийского возраста. Встречались также мнения о более раннем старении женщин по сравнению с мужчинами, основанные на нормативных документах: *«По рекомендациям нашим правовым, пожилой возраст у нас у женщин с 60 лет, у мужчин с 65. В последнее время все к этому как-то и приходит, все с этим связано. Но есть исключения. В основном мы ориентируемся на такие цифры»* (Интервью 10, руководитель подразделения районного центра социального обслуживания, Санкт-Петербург).

Альтернативный взгляд заключается в том, что определение пожилого возраста не связано с фактическими годами жизни или нормативной регламентацией, а формируется на основе индивидуального восприятия

и самооценки. Согласно этой точке зрения, границы возраста определяются, прежде всего, субъективными ощущениями человека: важно, воспринимает ли он себя пожилым и сохраняет ли интерес к жизни, профессиональной или общественной активности. Еще одним ключевым критерием является состояние здоровья, которое не только влияет на возрастную самоидентификацию, но и служит основным параметром при оценке независимости человека. Эксперты подчеркивают, что страх утраты самостоятельности и зависимости от посторонней помощи является одним из самых значимых страхов стареющих людей.

В сравнении социально-возрастной группы пожилых с другими возрастными категориями наиболее часто упоминается аналогия с детством: *«Точно как дети, некоторые могут даже и заплакать от обиды»* (Интервью 23, культ-организатор государственного социального сервиса, Санкт-Петербург). В этом контексте пожилой возраст ассоциируется с такими характеристиками, как несамостоятельность, доверчивость и невнимательность. Однако среди экспертов встречается и критика подобных аналогий. Они рассматривают сравнение пожилых людей с детьми как проявление эйджизма, способствующее их патернализации и исключению из активной социальной жизни.

Преимущества и недостатки старшего возраста

Среди ключевых преимуществ пожилого возраста эксперты отмечали большой жизненный опыт, свободу действий и расширенные возможности выбора:

Руки свободные. Вот преимущества в том, что ты уже не обременен чем-то основным, что тебя тяготило по жизни. Вот, у тебя твоя жизнь — бери, наслаждайся, живи с удовольствием. Хочешь — езжай путешествовать, ходи на экскурсии, сиди на лавочке, общайся, иди в баню (Интервью 11, руководитель подразделения районного центра социального обслуживания, Санкт-Петербург).

В предложенном фрагменте интервью отчетливо прослеживается идея снижения институционального давления: в пожилом возрасте человек освобождается от социальных обязательств, это позволяет ему сосредоточиться на личных интересах и занятиях, на которые раньше не хватало времени или ресурсов.

С точки зрения жизненного пути, пройденный этап символизирует накопленный опыт, тогда как предстоящий открывает перспективы выбора и возможностей (Corsten 1999; Семенова 2004). В этом контексте способность планировать и оценивать будущее воспринимается экспертами как двоякий аспект пожилого возраста — одновременно его преимущество и ограничение: *«Да, удовлетворенность возрастает, и это облегчает ситуацию. Не надо делать много стремлений и тому подобного. Спокойненько. Это можно*

считать и минусом, и плюсом» (Интервью 13, врач-гериатр, Санкт-Петербург). Представленный фрагмент демонстрирует сокращение поводов для беспокойства, особенно в отношении решений, определяющих дальнейший жизненный курс. В то же время отсутствие необходимости в активном целеполагании может восприниматься как утрата динамичности жизни, что подчеркивает амбивалентность восприятия старшего возраста.

Среди недостатков пожилого возраста эксперты называли одиночество, бедность, ухудшение состояния здоровья, утрату самостоятельности и независимости. Однако наряду с этими проблемами звучала и критика «дефицитарного» подхода, который фокусируется исключительно на потерях и ограничениях старшего возраста. Такой подход, по мнению ряда экспертов, способствует «инвалидизации» пожилых, формируя у них представления о собственной неспособности к активному участию в жизни общества: *«Потому что очень много отмазок, вот, из-за того, что у них пожилой возраст: "Я болею", "Я пошла к врачу", это (возраст, прим. И.) делает очень много, скажем так, возможностей для самоинвалидизации»* (Интервью 6, руководитель НКО, Санкт-Петербург). В результате происходит закрепление «роли пожилого» по аналогии с «ролью больного» (Parsons 1951), санкционирующее сокращение требований и, как следствие, социального статуса.

Образ пожилого: «активные» и «неактивные» старшие

Несмотря на значительную дифференциацию внутри социально-возрастной группы пожилых, подавляющее большинство экспертов — вне зависимости от сферы их деятельности (государственные и негосударственные организации, досуг, уход, здоровьесбережение, профессиональная занятость) — разделяют пожилых людей на две основные категории: «активные» и «неактивные». При описании этих типов эксперты приводили гендерно окрашенные образы. «Активный» пожилой человек чаще всего представлен как женщина, ухаживающая за собой, финансово независимая, активно использующая интернет. В противоположность ей, «неактивный» пожилой ассоциируется с образом «бабушки», ведущей пассивный образ жизни, интересующейся телевизором и не придающей значение своему внешнему виду.

Среди основных качеств, приписываемых пожилым людям, эксперты выделяют душевность, интерес к жизни, осознанность, жизненную энергию и большой жизненный опыт. С возрастом происходит усиление определенных черт характера, а накопленный профессиональный и личный опыт рассматривается как ценный ресурс. *«У них интересная судьба. Интересная жизненная ситуация. Жизненный опыт. Определенные достижения, уклад жизни, с ними интересно говорить, их интересно слушать, они могут высказать свою точку зрения, свое мнение»* (Интервью 9, руководитель подразделения районного центра социального обслуживания, Санкт-Петербург).

Эксперты с длительным (более 15 лет) опытом работы с пожилыми отмечают трансформацию их социального образа. С одной стороны, смена поколений ведет к изменению запросов к государственным и общественным институтам, что отражается в переходе от практик, ориентированных преимущественно на уход, к стратегиям активизации пожилых. С другой стороны, негативные стереотипы, сложившиеся под влиянием экономических кризисов 1990-х и 2000-х гг. и непродуманной социальной политики, способствовали маргинализации старшего поколения.

Особое значение в формировании негативного образа пожилых играет медийное пространство, где образ старшего возраста часто связывается с бедностью, беспомощностью и уязвимостью перед мошенничеством. Рекламные и информационные материалы, посвященные пожилым, нередко закрепляют эти представления: *«Пожилые люди у нас ассоциируются с какими-то происшествиями. Случился пожар, где-то погиб пожилой человек. Случилась авария, где-то погибли пожилые люди. Их ограбили, они попались на удочку мошенникам и т. д.»* (Интервью 15, специалист-эксперт центра развития социальных технологий, Петрозаводск).

Смыслы работы с пожилыми

В последние годы наблюдается расширение государственной социальной политики в отношении пожилых. Государство стало охватывать вниманием не только тех, кто сталкивается с проблемами здоровья, семейными или материальными трудностями, но и всех, кто достиг определенного возраста. Социальная политика постепенно выходит за рамки исключительно патерналистского подхода, признавая необходимость поддержки и активизации пожилых людей вне зависимости от наличия у них критических проблем:

Еще государственная политика стала шире смотреть на пожилых людей. Что вниманием должны быть обеспечены и пожилые, которые не только болеют, имеют проблемы в семье, материальные проблемы. А просто потому, что они достигли определенного возраста (Интервью 16, представитель органов исполнительной власти, Петрозаводск).

Основные агенты в работе с пожилыми дифференцируются в зависимости от степени их активности. Негосударственные организации и сервисы, ориентированные на образовательные программы и сохранение занятости, играют ключевую роль в поддержке активных пожилых. В то же время государственные социальные службы рассматриваются информантами как основные структуры, оказывающие помощь неактивным пожилым, нуждающимся в надомном или стационарном уходе. Статус пожилого человека — «активного» или «неактивного» — напрямую соотносится с его основными потребностями: активные и физически благополучные пожилые ориентированы на участие в досуговых и коммуникативных

практиках, тогда как неактивные, сталкивающиеся с ухудшением здоровья, в первую очередь нуждаются в уходе и поддержке.

Примечательно, что опыт взаимодействия с государственными или негосударственными структурами выступает как фактор дифференциации пожилых людей. Государственные организации, как правило, привлекают пожилых с ограниченными финансовыми ресурсами и умеренными ожиданиями в отношении качества предоставляемых услуг; в таких случаях основная функция социальных работников сводится к решению повседневных бытовых задач. Напротив, пожилые люди с более высоким финансовым достатком предпочитают обращаться к негосударственным поставщикам досуговых или социальных услуг, поскольку располагают возможностью оплачивать качественный сервис и выбирать спектр услуг в соответствии со своими потребностями.

Трудности, с которыми сталкиваются эксперты в работе с пожилыми, можно условно разделить на три группы: 1. трудности, связанные с возрастными особенностями пожилых — необходимость многократного повторения информации, наличие межгрупповых конфликтов (в том числе основанных на раздражительности, нетерпимости к чужому мнению, расхождениях в политических и религиозных взглядах, различиях в оценке событий), а также другие аспекты, обусловленные возрастом; 2. организационные трудности, возникающие внутри учреждений — несогласие с руководством и/или коллегами, ограниченные административные ресурсы, бюрократические барьеры; 3. структурные проблемы самой сферы — низкий уровень оплаты труда, дефицит времени для полноценной работы с клиентами, несогласие с направлениями социальной политики и реализуемыми мерами в отношении пожилого населения.

Эксперты подчеркивают, что одной из важнейших задач социальной политики является формирование системы координат, позволяющей адаптироваться к условиям стареющего общества. Отмечается отсутствие у человечества выработанного опыта управления этим процессом, что создает значительные вызовы для государства, общества и отдельных граждан:

Потому что как бы у человечества не было такого опыта, и никто не знает, как надо. При этом каждый, как говорится, выплывает как может. И как мне кажется, ни государство, ни само общество, ни люди, как индивидуальные субъекты к этому (старению, прим. И.) в общем и целом не готовы (Интервью 31, руководитель образовательной программы для пожилых, Москва).

Среди ключевых направлений государственной политики в отношении старшего поколения, по мнению большинства экспертов, центральное место занимает переориентация на реальные интересы и потребности пожилых людей. Это требует изучения их запросов и вовлечения в процесс разработки практик и услуг: *«Невозможно что-то делать для пожилых без участия самих пожилых»* (Интервью 1, руководитель НКО, Санкт-Петербург). Другими

важными задачами в данной сфере эксперты называют: отказ от эйджистских практик и устранение эксплуатационного образа пожилых как исключительно уязвимой и нуждающейся группы; развитие образовательных программ для специалистов, работающих с пожилыми людьми; расширение подготовки гериатров и повышение их профессиональной квалификации; создание и развитие центров психологической помощи для пожилых, учитывающих особенности их возрастных переживаний и потребностей.

Заключение и дискуссия

В данном исследовании старение рассматривается на микро- и макроуровнях как хронологический этап индивидуальной жизненной траектории, вписанный в более широкий социально-экономический и культурный контекст. В современных условиях возможности пожилых людей определяются не только биологическими изменениями, но и устойчивыми социальными стереотипами, ограничивающими их участие в различных сферах жизни (Vincent 2003). Несмотря на то, что эксперты фиксируют возрастные «сдвиги» и изменение представлений о старшем возрасте, их взгляды продолжают воспроизводить традиционную трехчленную модель жизненного цикла, в которой пожилой возраст в основном ассоциируется с досугом и уходом (Лаз 2019). В то же время эксперты отмечают снижение институционального давления и размытость представлений о том, что пожилой человек может или не может делать в этом возрасте.

При определении границ возраста эксперты опираются на индивидуальное восприятие, нормативную регламентацию и состояние здоровья. Отсутствие интереса к жизни рассматривается как один из маркеров пожилого возраста, а состояние здоровья — как граница между старостью и «нестаростью». Исследования, посвященные возрастной идентификации, подтверждают значимость этих факторов: респонденты также акцентируют внимание на самочувствии и физическом состоянии как определяющих характеристиках возраста (Шмерлина 2015; Антонов и др. 2023).

К числу основных преимуществ пожилого возраста эксперты относят свободу действий, накопленный жизненный опыт и осознанность, тогда как основные недостатки связаны с проблемами здоровья, бедностью и одиночеством. Подобные представления формируют основу дефицитарного подхода (Даведюк 2014; Григорьева 2022), в рамках которого пожилые люди рассматриваются преимущественно через призму ограничений и утрат. Эксперты отмечают, что, несмотря на происходящие сдвиги в восприятии старшего возраста, стереотипы о пожилых как о социально уязвимой и пассивной группе остаются устойчивыми и продолжают влиять на дискурсы социальной политики и практики работы с пожилыми.

Несмотря на профессиональную специализацию экспертов и высокую дифференцированность социально-возрастной группы пожилых, в их

представлениях формируются два основных образа старшего поколения — «активные» и «неактивные» пожилые. Первые обладают хорошим здоровьем, самостоятельностью, компетентностью и социальной вовлеченностью. Вторые, напротив, ассоциируются с бедностью, одиночеством и зависимостью от посторонней помощи. При этом принадлежность к одной из этих групп во многом определяет доступ к социальным услугам. Эксперты отмечают, что: в государственные социальные сервисы пожилые люди чаще обращаются по необходимости, когда других вариантов нет. В негосударственные организации приходят те, кто имеет финансовые возможности и может выбрать услуги более высокого качества. Таким образом, доступность социальных услуг становится основанием социального неравенства среди пожилых. (Не)возможность получения тех или иных услуг не только отражает финансовое положение пожилых людей, но и влияет на их качество жизни и степень социальной включенности.

СМИ играют значительную роль в формировании образа пожилых как социальной группы. Они могут как способствовать распространению толерантных представлений, так и усиливать стигматизацию различных возрастных категорий (Ярская-Смирнова и др. 2023). Эксперты подчеркивают необходимость переориентации СМИ на трансляцию позитивного опыта пожилых людей, что могло бы способствовать изменению общественных стереотипов и укреплению представления о старшем возрасте как о периоде активной и осмысленной жизни.

Кроме того, эксперты отмечают, что социальная политика должна соответствовать современным и будущим социальным изменениям. В этом контексте важно не только расширять спектр социальных услуг и поставщиков, но и пересматривать само понимание возраста, избегая его трактовки как жесткой границы, определяющей социальные роли и возможности человека. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ восприятия возраста самими пожилыми людьми, а также изучение символических значений, которые они придают старшему возрасту в различных контекстах.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. (2023) Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие. *Народонаселение*, 26 (3): 131–143.

Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.

Григорьева И., Богданова Е. (2020) Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19. *Laboratorium*, 12 (2): 187–211.

Григорьева И. А. (2022) Изменение подходов к старению и всплеск эйджизма во время пандемии COVID-19 и после. *Клиническая геронтология*, (7–8): 80–84.

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. Г. (2023) Конференция Продленная зрелость/отложенное старение во времена постковида и неопределенности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26 (1): 258–262.

Даведюк Е. П. (2014) Самодетерминация и ее индивидуальные проявления в пожилом возрасте. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, (2): 51–57.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. (2008) *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный Центр.

Лаз Ш. (2019) Веди себя по возрасту! (Перевод с английского). *Социология власти*, 31 (1): 146–179.

Парфенова О. А., Петухова И. С. (2024) Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продлении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений. *Мир России*, 33 (3): 51–74.

Семенова В. В. (2004) Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства. Л. М. Дробизева (ред.) *Россия реформирующаяся*. М.: Институт социологии РАН: 157–170.

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2016) Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, (3): 4–19.

Шмерлина И. А. (2015) Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте. *Социологический журнал*, (1): 72–86.

Щербакова Е. (2024) Население мира по оценкам ООН пересмотра 2024 года. *Демоскоп Weekly*. Доступно по ссылке: <https://surl.li/dnvesv> (дата обращения: 07 апреля 2025).

Ярская-Смирнова Е. Р., Косова О. А., Ярская-Смирнова В. Н. (2023) Маломобильные в российских печатных СМИ: анализ репрезентаций уязвимых групп до и во время пандемии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (71): 215–224.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2): 77–101.

Corsten M. (1999) The Time of Generations. *Time and Society*, 8 (2): 249–272.

Dannefer D. (2020) Systemic and Reflexive: Foundations of Cumulative Dis/Advantage and Life-Course Processes. *The Journals of Gerontology*, 75 (6): 1249–1263.

Eckert P. (2017). Age as a Sociolinguistic Variable. *The Handbook of Sociolinguistics*: DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405166256.ch9>.

- Elder H. G. (1974) *Children of the Great Depression. Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago Press.
- Elder G. H., Shanahan M. J., Jennings J. A. (2015) Human Development in Time and Place. *Handbook of Child Psychology and Developmental Science*, (4): 6–54.
- Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: R. Settersten (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward new Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood: 85–105.
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Looking Ahead. *Research in Human Development*, (4): 253–271.
- Laslett P. (1991) *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. Harvard University.
- Marini M. M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*, (63): 229–243.
- Mayer K. (2004) Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses. *Research in Human Development*, 1 (3): 161–187.
- Mayer K., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, (15): DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001155.
- Parsons T. (1951) *The Social System*. New York: Routledge.
- Riley M., Riley J. W. Jr. (2000) Age Integration: Conceptual and Historical Background. *The Gerontologist*, (40): 266–270.
- Settersten R. A. Jr., Bernardi L., Härkönen J., Antonucci T. C., Dykstra P. A., Heckhausen J., Kuh D., Mayer K. U., Moen P., Mortimer J. T., Mulder C. H., Smeeding T. M., van der Lippe T., Hagestad G. O., Kohli M., Levy R., Schoon I., Thomson E. (2020) Understanding the Effects of COVID-19 through a Life Course Lens. *Advances in Life Course Research*, 45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100360>.
- UN (2024) *World Population Prospects. Summary Results*. Available at: <https://surl.li/pvkaui> (accessed 7 April 2025).
- Van Tassel D., Stearns P. N. (1986) *Old Age in Bureaucratic Society*. Westport: Greenwood. Цит. по: Mayer K., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, (15): DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001155.
- Vincent J. (2003) *Old Age*. New York: Routledge.
- Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wanka A. (eds.) (2021) *Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives. International Perspectives on Aging*. Springer.

Приложение 1

Распределение информантов по полу, занятости, региону

Общее число информантов 41 человек, среди которых:

<i>Мужчины</i>		<i>Женщины</i>
5 человек		36 человек
В возрасте до 45 лет		45 лет и старше
16 человек		25 человек

<i>Представители государственных организаций (социальное обслуживание, трудоустройство, в том числе представители органов власти)</i>	<i>Представители НКО и бизнес-организаций, в том числе консультант по занятости</i>	<i>Сотрудники медицинских и исследовательских организаций</i>
24 человека	15 человек	2 человека
Санкт-Петербург	Республика Карелия	Москва, Орел, Липецк, Касимов (Рязанская обл.)
29 экспертов	8 экспертов	По 1 эксперту

EXPERT DISCOURSES ON AGEING AND SOCIAL GERONTOLOGY

This article is devoted to reconstructing and analysing expert discourses on ageing and the social status of the elderly. Based on interview materials from experts working with the elderly in various fields, we analyzed their ideas about old age and the elderly. The opinions, ideas, and attitudes of specialists working with the older generation are an important basis for social policy. According to experts, a person's life cycle is divided into main stages intended for a particular age: education for youth, work for adulthood, and retirement for old age. However, experts highlight the ongoing age 'shift' and the need to reconsider the changes that have occurred. When describing the main characteristics of old age, experts refer to established notions of ageing and disease. When determining age limits, experts consider normative factors, an individual perception of themselves, and their state of health. According to our experts, the main advantages of old age are extensive life experience, a meaningful perspective on many things, and freedom of action in the face of reduced institutional constraints. Despite the high heterogeneity of the elderly population, and the fact that the elderly are a differentiated social and age group, including by health status, which can be decisive in terms of activity, experts conditionally divide the elderly into two categories — 'active' and 'inactive.' They then decide who is active and who is not. 'Active' elderly people are independent and in good health, and are actively involved in a variety of spheres. 'Inactive' elderly people are sick, lonely, and dependent on outside help; in other words, they require social services. The media play a certain degree of influence on age self-identification and ideas about older age among experts and the public by broadcasting the image of the poor, disadvantaged, and sick. In practice, work is needed to change the negative image of the elderly that is based on the heterogeneity of this social group.

Key words: age, old age, elderly person, aging, extended adulthood, expert views

Citation: Petukhova I. (2025) Ekspertnye diskursy o vozraste i sotsial'nom statuse pozhilykh [Expert Discourses on Ageing and Social Gerontology]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (1): 7–24.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42

References

- Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2023) Porog nastupleniya starosti: ob"yektivnyye priznaki i sub"yektivnoye vospriyatiye [Threshold of Old Age: Objective Signs and Subjective Perception]. *Narodonaseleniye* [Population], 26 (3): 131–143.
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Polity.
- Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3 (2): 77–101.
- Corsten M. (1999) The Time of Generations. *Time and Society*, 8 (2): 249–272.
- Dannefer D. (2020) Systemic and Reflexive: Foundations of Cumulative Dis/Advantage and Life-Course Processes. *The Journals of Gerontology*, 75 (6): 1249–1263.
- Davedyuk E. P. (2014) Samodeterminatsiya i yeye individual'nyye proyavleniya v pozhi-lom vozraste [Self-determination and Its Individual Manifestations in Old Age]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], (2): 51–57.
- Eckert P. (2017) Age as a Sociolinguistic Variable. *The Handbook of Sociolinguistics*: DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405166256.ch9>.
- Elder H. G. (1974) *Children of the Great Depression. Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago Press.
- Elder G. H., Shanahan M. J., Jennings J. A. (2015) Human Development in Time and Place. *Handbook of Child Psychology and Developmental Science*, (4): 6–54.
- Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) Kontseptsiya aktivnogo stareniya v Yevrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19 [The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12 (2): 187–211.
- Grigoryeva I. A. (2022) Izmeneniye podkhodov k stareniyu i vsplesk eydzhizma vo vremya pandemii COVID-19 i posle [Changing Approaches to Aging and the Surge of Ageism During the COVID-19 Pandemic and After]. *Klinicheskaya gerontologiya* [Clinical Gerontology], (7–8): 80–84.
- Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. G. (2023) Konferentsiya Prodlennaya vzroslost'/ot-lozhennoye starenie vo vremena postkovida i neopredelennosti [Conference Extended Adulthood/Delayed Aging in Post-Covid Times and Uncertainty]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], (26): 258–262.
- Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: R. Settersten (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward new Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood: 85–105.
- Jorgensen M.W., Phillips L. J. (2008) *Discourse Analysis. Theory and Method*. Harkov: Humanitarian Center.
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking back to Looking Ahead. *Research in Human Development*, (4): 253–271.
- Laslett P. (1991) *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. Harvard University.
- Laz S. (2019) Act your age! (Translation from English). *Sociology of power*. 31 (1): 146–179.

- Marini M. M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*, (63): 229–243.
- Mayer K. (2004) Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses. *Research in Human Development*, 1 (3): 161–187.
- Mayer K., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, (15): DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001155.
- Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2024) Protivorechivaya rol' gosudarstva i agentnost' pozhiykh v prodlenii zanyatosti starshego pokoleniya: rekonstruktsiya ekspertnykh predstavleniy [The Contradictory Role of the State and the Agency of the Elderly in Prolonging the Employment of the Older Generation: Reconstruction of Expert Views]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 33 (3): 51–74.
- Parsons T. (1951) *The Social System*. New York: Routledge.
- Settersten R. A. Jr., Bernardi L., Härkönen J., Antonucci T. C., Dykstra P. A., Heckhausen J., Kuh D., Mayer K. U., Moen P., Mortimer J. T., Mulder C. H., Smeeding T. M., van der Lippe T., Hagestad G. O., Kohli M., Levy R., Schoon I., Thomson E. (2020) Understanding the Effects of COVID-19 through a Life Course Lens. *Advances in Life Course Research*, 45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100360>.
- Riley M., Riley J. W. Jr. (2000) Age Integration: Conceptual and Historical Background. *The Gerontologist*, (40): 266–270.
- Semenova V. V. (2004) Vozrast kak sotsial'nyy resurs: vozmozhnyye istochniki sotsial'nogo neravenstva [Age as a Social Resource: Possible Sources of Social Inequality]. In: L. M. Drobi-zheva (ed.) *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Institut sotsiologii RAN: 157–170.
- Shcherbakova E. (2024) Naselenie mira po otsenkam OON peresmotra 2024 goda [The World's Population According to the UN Revision of 2024]. *Demoskop Weekly*. Available at: <https://surl.li/dnvesv> (accessed 7 April 2025).
- Shmerlina I. A. (2015) Osobennosti voznrastnoy samoidentifikatsii v starshem voznraсте [Peculiarities of age-related self-identification in older age]. *Sotsiologicheskiiy zhurnal* [Sociological Journal], (1): 72–86.
- Tykanova Y. V., Khokhlova A. M. (2016) Osnovnyye ponyatiya i podkhody v sotsiologich-eskom izuchenii zhiznennykh putey [Basic Concepts and Approaches in the Sociological Study of Life Paths]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], (3): 4–19.
- Van Tassel D., Stearns P. N. (1986) Old Age in Bureaucratic Society. Westport: Greenwood. In: Mayer K., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, (15): DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001155.
- Vincent J. (2003) *Old Age*. New York: Routledge.
- Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wanka A. (eds.) (2021) *Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives. International Perspectives on Aging*. Springer.
- Yarskaya-Smirnova E. R., Kosova O. A., Yarskaya-Smirnova V. N. (2023) Malomobil'nyye v rossiyskikh pechatnykh SMI: analiz reprezentatsiy uyazvimykh grupp do i vo vremya pandemii [People with Limited Mobility in Russian Print Media: Analysis of the Representation of Vulnerable Groups Before and During the Pandemic]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], (71): 215–224.